

ЖУКОВ,
гусарского принца Оранского полка
штабс-ротмистр

№ 1

ОПИСЬ

бумагам, составляющим дело о штабс-ротмистре Жукове

Число бумаг	На каких листах
1. Начальный допрос, снятый с Жукова г[осподином] генерал-адъютантом Левашовым	на 1
2. Рапорт начальника Гл[авного] штаба 1-й армии барона Толя г[осподину] начальнику Гл[авного] штаба его величества № 96.	на 2
<i>При оном:</i>	
3. Ключ тайной переписки.	на 3
4. Показание Жукова, взятое с него генерал-лейтенантом Ротом 12 генваря 1826	на 4
5. Вопросы Жукову от Комитета (о воспитании)	на 5
6. Ответы его на оные	на 6
7. Вопросные пункты Комитета Жукову 15 февраля	на 7 и 9
8. Ответы Жукова на оные	на 10 и 12
9. Вопрос подпоручику Бестужеву-Рюмину 17 марта и ответ его	на 13
10. Рапорт дежурного генерала Гл[авного] штаба его величества № 607	на 14
<i>При оном:</i>	
11. Рапорт Комиссии военного суда графу Сакену № 44	на 15 и 17 //
	(л. 16 об.)
12. Вопрос Жукову 31 марта с его ответом	на 18 и 19
13. [Вопрос] подпору[чику] Бестужеву-Рюмину 31 марта с ответом его	на 20 и 21
14. [Вопрос] Жукову 20 апреля	на 22
15. Ответ Жукова	на 23 и 24
16. Отпуск отношения г[осподину] главнокомандующему 1-ю армию № 632	на 25
17. Рапорт г[осподина] дежурного генерала Главного штаба его величества № 825	на 26
<i>При оном:</i>	
18. Рапорт генерал-адъют[анта] барона Толя начальнику Гл[авного] штаба его величества № 556 с приложением трех копий.	на 27 и 33
19. Вопросы Жукову 27 мая	на 34
20. Ответы его	на 35
21. Вопросы подполков[нику] Сергею Муравьеву-Апостолу 28 мая с ответом его	на 36 и 37
22. Выписка из рапорта смотрителя Сухопутного госпиталя 5 класса Шмита 30 мая № 3980	на 38
23. Справка	на 39
Белые листы ¹	40 и 53
	Военный советник Вахрушев // (л. 2)

¹ 23-й пункт описи и слова «Белые листы» вписаны другим почерком.

№ 2 (2)¹

Управление
начальника Главного
штаба 1-й армии
№ 96

Главная квартира в Могилеве Белор[усском]
Генваря 15 дня 1826 года.
Начальнику Главного штаба
его императорского величества
господину генерал-адъютанту барону Дибичу

Начальника Главного штаба 1-й армии
генерал-адъютанта барона Толя

Рапорт

Отправляя при сем арестованного по высочайшему повелению гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистра Жукова², имею честь представить вашему превосходительству взятое от него генерал-лейтенантом Ротом показание и захваченные у него бумаги³ (в коих находится ключ тайной переписки), уложенные в тюке.

Кроме того, отправляются при сем особый тючок⁴ с бумагами и большой чемодан с книгами⁵. Первый содержит бумаги Муравьева-Апостола и Бестужева, взятые // (л. 2 об.) на месте разбития мятежников, а последний заключает в себе книги и планы Муравьева-Апостола, захваченные при самом начале происшествия в Василькове, на квартире его, посланным отсюда для арестования его жандармского полка прапорщиком Скоковым, который, преследуя Муравьева, возил их с собою и, возвратясь в Васильков, до вступления мятежных рот оставил чемодан на сбережение майору Трухину; сей представил его ныне генерал-лейтенанту Роту.

Генерал-адъютант барон Толь // (л. 3)

№ 3 (3)

a. b. c.	d. e. f.	g. h. i.
T. V. L.	Ч. P. J.	Ѣ. Ѧ. Ѧ.
j. k. l.	m. n. o. p. q. r.	
Ѣ. Ѧ. Ѧ.	h. t. x. ш. з. ш.	
z. t. m.	v. w. x. y. .. z.	
Ѣ. Ѧ. Ѧ.	o. x. Ѧ. Ѧ. Ѧ. Ѧ. Ѧ.	

a. b. c.	d. e. f.	g. h. i.
... ..	... ..	... ..
j. k. l.	m. n. o. p. q. r.	
... ..	... ..	... ..
s. t. u.	v. w. x. y. .. z.	
... ..	... ..	... ..

♀VT♀ ♀♀xT♀ѦѦ.

Jeak ioukoff

// (л. 3 об.)

⊠⊠⊠⊠⊠⊠⊠⊠

// (л. 4)

1 Рапорт написан на бланке с печатным штампом. Вверху листа помета чернилами: «19 генваря» и резолюция: «Весьма нуж[ное]. Прошу сии бумаги и тюк полученные <нрзб.> немедленно отправить к военному министру».

2 Слова «штабс-ротмистра Жукова» подчеркнуты карандашом.

3 Слова «захваченные у него бумаги» подчеркнуты карандашом.

4 Слово «тючок» подчеркнуто карандашом.

5 Слова «большой чемодан с книгами» подчеркнуты карандашом.

1826 года генваря 12-го дня в присутствии командира войск 3-го пехотного корпуса г[осподина] генерал-лейтенанта и кавалера Рота и дежурного штаб-офицера 3-го пехотного корпуса полковника Паулина, после увещания житомирской Успенской церкви священника Матвея Соколовского, гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков¹ допрашиван и показал:

В 1823 году Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев предлагал мне быть ему другом; таковым дружеством обещал много добра, но в чем оное состоялось, мне тогда было неизвестно; впоследствии времени в лагерях при м[естечке] Белой Церкви, бывших в прошлом 1824 году, он же, Бестужев, объяснял мне, что есть общество, которое желает улучшение законов, но каким образом должно сие быть приведено в действие, мне не объявил.

1825 года в октябре месяце во время моей болезни в г[ороде] Сквире заезжал ко мне он же, Бестужев, и предлагал: соглашусь ли я содействовать обществу в таком случае, если оно будет идти противу правительства, присовокупляя, что он знает, сколько я любим в полку, и что в моей власти привлечь многих на сторону общества. На что я решительно отказался, говоря, что я не в состоянии сего сделать и не могу ручаться за других людей. Не объявил же о сих предложениях ближнему своему начальству единственно из сожаления подвергнуть молодого человека законной ответственности, и потому что я не был еще достаточно уверен в истинном существовании подобного общества. // (л. 4 об.) Он же, Бестужев, уверял меня, что к обществу сему принадлежат: Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев, командир Алексопольского пехотного полка полковник Швейковский и еще несколько важных лиц, коих имена не хотел мне открыть, выставлял же их мне на вид для того, чтобы я не боялся присоединиться к тому обществу; более же ни о каких членах оного мне неизвестно.

Относительно возмущения, случившегося в Черниговском пехотном полку, я не токмо подговариваем никем не был, но даже и сведения о том никакого ни от кого не имел до самого выступления полка, в коем служу, для усмирения возмутителей; равно в заговорах противу государя и правительства ни с кем не был и ни от кого о том ничего не слыхал, и касательно сего переписки ни с кем и никакой не имел.

Что все показал по сущей правде и ничего не утаил, в том и подписуюсь.

Гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков²

Допрашивал штаба 3-й артиллерийской дивизии

аудитор 12 класса Рудаков

При отобрании сего присутствовали:

Генерал-лейтенант Рот

Дежурный штаб-офицер полковник Паулин

Прописанного штабс-ротмистра Жукова увещевал житомирской Успенской церкви священник Матвей Соколовский // (л. 1в)

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Показания подписаны И.П.Жуковым собственноручно.

№ 5 (1)¹

№ 162. Гусарского принца Оранского полка ш[табс]-ротмистр Жуков.

Когда узнали вы о тайном обществе²?

В 1824 году Бестужев объявил мне об обществе и предлагал мне в оное взойти. Я ответу положительного ему не дал. В 1825 году, проезжая чрез Васильков, останавливался у Муравиева и Бестужева. Сей последний³ мне повторил предложение, на которое я согласился. Намерение общества, мне объявленное, не имело ничего противозаконного. Особенных препоручений от общества я не имел⁴. Бестужев сказывал, чтоб⁵ принимать членов в своем полку, но сего я не исполнил и никакого действия в пользу общества не делал.

Где вы были в 1825 году во время сбора корпуса под Лещиным на маневрах?

Я был в полку и ничего о намерении общества здесь не знал. Об Обществе славян не имел никакого понятия и членов оног⁶о никого не знал.

Знали вы о последнем намерении — действии Муравиева и Бестужева?

Я о сем совершенно ничего не знал и услышал токмо, когда полк был // (л. 1в об.) потребован против бунтующих.

Штабс-ротмистр Жуков⁷
Генерал-адъютант Левашов⁸ // (л. 7)

№ 6 (7)⁹

1826 года февраля 15-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков спрашиван в пояснение первого его показания.

В данных здесь ответах вы недостаточно объяснили такие обстоятельства, до тайного общества касающиеся, которые вам должны быть известны, умалчивая притом и о членах того общества, с коими были в сношениях.

И потому Комитет требует от вас откровенного и сколь можно ясного показания о том:

1

Что именно побудило вас вступить в тайное общество и кто были все известные вам члены оног^о? // (л. 7 об.)

2

В чем состояли цели или намерения общества и меры, предположенные к исполнению оных?

Здесь поясните: при самом вступлении вашем в общество была ли вам, как и всем вновь принимаемым членам, открыта прямая цель его, чтобы для вернейшего разрушения существующего порядка вещей лишить жизни блаженной памяти государя императора.

¹ Вверху листа помета карандашом: «В военный гошпиталь».

² Ниже на полях полустертая запись карандашом перечня фамилий: «Пестель, кн[язь] Волконский, подп[оручик] Вадковский, М. Муравьев».

³ Слова «Сей последний» вписаны над строкой вместо зачеркнутого: «они».

⁴ Далее зачеркнуто: «под».

⁵ Слово «чтоб» вписано над строкой

⁶ Слово «оног^о» вписано над строкой вместо зачеркнутого «общества».

⁷ Показания подписаны И. П. Жуковым собственноручно.

⁸ Ниже помета карандашом: «Просить о помещении в гошпиталь».

⁹ Вверху листа помета чернилами: «Читано 17 фев[аля]».

3

Когда общество предположило ввести в России конституционное правление посредством революции?

4

Кто из членов наиболее стремился к исполнению сей цели советами, сочинениями и влиянием своим на других? // (л. 8)

5

В какое время, в каких местах предполагало общество начать открытые свои действия и что доселе препятствовало их исполнению?

Здесь поясните: от кого вы слышали о намерении общества начать возмущение арестованием Главной квартиры 2-й армии — коль скоро вступит туда в караул Вятский полк (с 1 января 1826), и какие сделаны были к тому распоряжения?

6

Какие средства и надежды имело общество к достижению цели своей? Здесь присовокупите:

а) На какие именно войска и почему оно всего более полагалось?

б) До какой степени преступные мнения распространены были в поселенных войсках? // (л. 8 об.)

с) Кто именно принадлежал к тайному обществу из чинов, находящихся как собственно в гусарском принца Оранского полку, так и вообще в 3-й гусарской дивизии?

7

Что именно и от кого вы слышали о намерениях общества посягнуть против покойного государя, а потом и против всех священных особ августейшей императорской фамилии?

8

Знали ли вы о тех совещаниях, кои в лагерное время 1825 года при Лещине происходили между Муравьевыми, Швейковским, Бестужевым и проч[ими]?

9

Что вам известно было о существовании тайного общества под названием *Соединенных славян* и о именах // (л. 9) членов, к оному принадлежащих?

10

Объясните откровенно, что именно означает найденный в бумагах ваших *ключ к тайной переписке* и с кем именно и о чем сносились вы сими таинственными знаками?

11

Какое имеют звание и где находятся Александр Трубецкой и Лев Синявин, не принадлежат ли они к тайному обществу и на чем основана та тесная ваша связь с ними, которая свидетельствуется взаимною вашею перепискою?

12

Чем доказать можете, что вы решительно отрицались содействовать Бестужеву в привлечении гусарского принца // (л. 9 об.) Оранского полка к цели общества?

13

Что именно вы говорили 17-го егерского полка с подпоручиком Вадковским при встрече с ним в селении Брусилове и что он отвечал вам взаимно?

В заключение присовокупите все то, что вы знаете насчет тайных обществ, их намерений, действий, сношения и лиц, к оным принадлежащих, сверх изложенных здесь вопросов.

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 10)

№ 7 (8)

1826 года февраля 15 дня. На данные мне от высочайше утвержденного Комитета вопросные пункты имею честь ответить.

1

Причина, побудившая меня согласиться вступить в это общество, была та, что мне казалось, оно стремится к улучшению состояния моего отечества. Из членов знал я только Бестужева-Рюмина¹, Швейковского и Муравьева-Апостола, но даже с сими двумя последними никогда не говорил насчет одного общества и об том, что принадлежу к оному. Подозревал полковника Тизенгаузена по тому, что Бестужев пользовался неограниченной свободой.

2

Цель общества состояла в улучшении законов и в утверждении конституции, но меры, предположенные к исполнению оной, мне неизвестны: при вступлении моем в оное общество Бестужев мне не говорил, что для достижения одного намерения намереваются лишить жизни блаженной памяти государя императора.

3

Когда оное общество намеревалось ввести конституционное правление, было мне совершенно неизвестно. // (л. 10 об.)

4

Не знаю, потому что ни с кем, выключая г[осподи]на Бестужева, не говорил и ничьих сочинений не читал.

5

Ни от кого и никогда не слышал о времени и месте, когда и где намеревалось оное общество начать свои действия, и что препятствовало, не знаю.

О намерении Вятского полка арестовать Главную квартиру 2-й армии совершенно ничего не знал.

6

Средства общества были неизвестны; а надежды, по словам Бестужева, основывались на том, что вся Россия с нетерпением ждет появления конституции.

а) На какие именно войска более полагались, не знаю.

б) Об том, что оные мнения были распространены в поселенных войсках, никогда не слышал.

с) Кто в 3-й гусарской дивизии принадлежал к оному обществу, мне неизвестно, а в гусарском принца Оранского полка многие знали, потому что я, раз будучи вместе с офицерами, был пьян и тогда им рассказал, что есть общество, которое решается просить, а в случае отказа требовать конституции. На другой день многие офицеры мне говорили, что я никогда² // (л. 11) не должен пить, потому что, будучи пьян, я говорю много вздору, который мне может сделать большие неудовольствия.

7

Ни от кого не слышал о намерении посягнуть против покойного государя императора и против всей августейшей фамилии.

8

Не знал; в последних числах августа я сделался болен и до выхода нашего полка из лагеря не выходил из своей комнаты.

9

О тайном Обществе соединенных славян совершенно не знал и ни одного члена общества не знаю.

10

Ключи к тайной переписке составлены мною самим во время моей болезни в г[ороде] Сквире, после того как у меня сидели многие офицеры нашего полку и мы говорили о способе переписываться секретно; я составил оные два ключа. Но клянусь, что ни с кем и ни о чем оными не переписывался. Писать оными ключами должно, смотря на знак, поставленный под литерою. // (л. 11 об.)

11

Связи мои с Александром Трубецким и Львом Сенявиным произошли: с первым потому, что я искал в доме тестя его г[осподи]на маршала Валентина Рос-

¹ Фамилия «Рюмина» вписана над строкой.

² Слово «никогда» ошибочно повторено в подлиннике дважды.

цишевского, будучи влюблен в племянницу одного маршала княжну Корибут-Воронецкую, и была наконец утверждена тем, что я сделался женихом одной девушки, двоюродной сестры¹ одного Александра Трубецкого; живет он в Киевском уезде в селении Гавронщине, отставной полковник Киевского драгунского полка. А со Львом Сенявиным потому, что я прежде служил в Кременчугском пехотном полку, где и он находился в роте, кою я командовал. Мы жили вместе и потому нечувствительным образом сделались приятелями; он был отпущен до излечения болезни в отпуск и поехал в рязанскую деревню к своей матери. Но чтобы оные Александр Трубецкий и Лев Сенявин принадлежали к обществу, не знаю.

12

Выключая моей чистой совести, тем, что ежели г[осподи]н Бестужев имеет хотя искру оной, то он скажет то, что я ему отвечал, когда он меня спросил, какой образ мысли у нашего полка. Что я не имею ни столько дарований, // (л. 12) ни столько проницательности, чтоб судить об этом, и что я один, своей особой, готов содействовать, ежели буду в состоянии, но за других не отвечаю.

13

С 17-го егерского полка подпоручиком Вадковским в Брусилове в последний раз я виделся в последних числах декабря 1824 года, возвращаясь из селения Липовки от г[осподи]на маршала Росцишевского, но что я ему говорил, не припомню, тем более что связь наша только поддерживалась тем, что мы часто встречались у Росцишевских.

Насчет других тайных обществ совершенно ничего не знаю и никаких секретных сношений ни с кем не имел, в чем клянусь всем драгоценным для меня на свете. И наконец могу удостоверить, что во всех моих изложенных здесь ответных пунктах все то, что мог знать, показал самую сущую правду, ничего не умолчал, в чем и подписуюсь svoеручно.

Гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Иван Жуков²
Генерал-адъютант Чернышев // (л. 13)

№ 8 (9)

1826 года марта 17 дня от высочайше учрежденного Комитета подпоручику Бестужеву-Рюмину дополнительный вопросный пункт.

Какого чина, где служит и теперь находится тот *Жуков*, который вами был принят в общество в 1824 году, на которого, как говорите в дополнительных своих ответах, вы *целили* для совершения удара, но который в бытность у Швейковского отозвался, что «ежели бы на него пал жребий быть в числе заго-ворщиков, то он после сего сам бы лишил себя жизни».

Генерал-адъютант Чернышев

Жуков (как я уже докладывал Комитету) оставил общество в 1825 году, сватавшись на княжне Воронежской. В бытность свою в числе членов Жуков (как в сем Комитет легко может удостовериться) никакого деятельного вспомоществования обществу *не оказал*. Служит он в принца Оранского гусарском полку штабс-ротмистром.

Подпоручик Бестужев-Рюмин³
Генерал-адъютант Чернышев // (л. 14)

1 В подлиннике: «сестрой».

2 Ответы написаны И.П.Жуковым собственноручно.

3 Ответ написан М.П.Бестужевым-Рюминым собственноручно.

Дежурство
 Главного штаба
 его императорского величества
 По канцелярии
 дежурного генерала
 в С[анкт]-Петербурге
 26 марта 1826
 № 607²

Господину военному министру

Дежурного генерала Главного штаба
 его императорского величества

Рапорт

Вследствие поручения г[осподина] начальника Главного штаба его величества имею честь представить при сем вашему высокопревосходительству для рассмотрения в Комитете о злоумышленном обществе доставленный от дежурного генерала 1-й армии рапорт Комиссии военного суда, при Главной квартире оной армии учрежденной, относительно письма Бестужева-Рюмина, посланного к штабс-ротмистру Жукову перед начатием возмущения Черниговского полка, каковое письмо // (л. 14 об.) доставлено Жукову посредством отставного полковника князя Трубецкого, брата содержащегося здесь в С[анкт]-Петербурге.

Генерал-адъютант Потапов // (л. 15)

№ 10 (11)

Главнокомандующему 1-ю армию, господину генералу от инфантерии и кавалеру графу Сакену³

Комиссии военного суда, учрежденной
 при Главной квартире

Рапорт

Судебная комиссия из дошедшего в оную от командира Черниговского пехотного полка полковника Гебеля рапорта о приключившемся с ним на 29-е число минувшего декабря в селении Трилесах в расположении 5-й мушкетерской роты происшествии, между прочим, усмотрела, что он, Гебель, во время проезда своего 26-го того ж декабря из Василькова чрез Рожевскую станцию в город Житомир для отыскания и арестования // (л. 15 об.) служившего в том же полку подполковника Муравьева-Апостола узнал от смотрителя той станции, что пред самым его туда прибытием проезжал чрез ту станцию и Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин и дал тамошнему станционному писарю какое-то письмо, препоруча нанять нарочного для доставления оногo, но куда, неизвестно; а как Бестужев принадлежал к тайному обществу и письмо им посылалось в такое время, когда оно уже было открыто, и, может быть, писано к кому-либо из принадлежавших к тому обществу, то Комиссия, полагая открыть как содержание сего письма, так и к кому оно было адресовано, относилась чрез командующего 9-ю пехотную дивизию, по принадлежности той станции к Киевской губернии, к тамошнему // (л. 16) гражданскому губернатору, который и доставил сего числа отобранные командированным им киевским зем-

¹ Рапорт написан на бланке с печатным штампом. Вверху листа пометы чернилами: «№ 832», «28 марта 1826», «Читано 27 марта». Внизу листа помета чернилами: «21 апреля, графу Сакену, № 632».

² Ниже на полях помета карандашом: «Жуков».

³ Ниже на полях помета карандашом: «NB».

ским исправником от писаря Рожевской станции Слабеева и отвозившего сие письмо жителя Ремазовского показания, в коих сии последние согласно объяснили, что он, Бестужев, во время перемены лошадей, узнав от первого расстояние от Рожева до Гавронщины, где жительство имеет отставной полковник князь Трубецкой, и написав записку на иностранном диалекте, не запечатав, поручил отправить оную с нарочным к нему, Трубецкому, с уплатою за отсылку одного рубля, говоря, что у него должен находиться Жуков, с тем, если посланный не застанет ни Трубецкого, ни Жукова, то чтобы отдал его людям, но, однако, за прибытием оного в сказанную деревню // (л. 16 об.) вручено лично ему, Трубецкому, который по предмету сему, быв также спрошен, отозвался, что сия записка точно представлена была ему из Рожева, с адресом на одной стороне: Ивану Петровичу Жукову, а в середине оной по-французски было написано, чтобы он, Жуков, поспешнее приезжал в Радомысль, что имеют до него надобность, и подписано одною токмо буквою «В». Почему и не мог увериться, кем она писана, и, имея случай доставить оную к нему, Жукову, вскоре отправил в город Сквиру, где оную и получил; добавляя к тому, что возивший ту записку человек был задержан в дороге и наконец чрез земскую полицию выпущен, а что в той записке ничего более не было писано и что оной у него, Трубецкого, нет, то в случае надобности может утвердить присягою. Но как Комиссии не// (л. 17) безызвестно, что сей Жуков, служивший в гусарском принца Оранского полку, принадлежит к тому же тайному обществу и, быть может, состоит в связях с Муравьевым, а по неудовлетворительному отзыву Трубецкого как о полученной им от Бестужева записки, так и о том, за что человек его был задержан в дороге, падает некоторым образом и на него подозрение о знании им о том обществе, Комиссия за долг почла о всем том почтеннейше донести вашему сиятельству.

Генерал-майор Набоков
Генерал-аудитор Шмаков

№ 44

Марта 5-го дня

1826 года // (л. 18)

№ 11 (12)¹

1826 года марта 31 дня от высочайше учрежденного Комитета *штабс-ротмистру Жукову* дополнительный вопросный пункт.

Комитету известно, что вы получили письмо Бестужева-Рюмина от 26 декабря, пересланное вам в Сквиру отставным полковником князем Трубецким, коим просил вас Бестужев поспешнее приезжать в Радомысль, ибо имеет до вас надобность.

Поясните откровенно: в чем именно заключалось означенное письмо Бестужева? Для какой надобности призывал он вас в Радомысль, приезжали ли вы туда, виделись ли с ним и какие ваши действия были в пользу начатого между тем Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым возмущения Черниговского полка?

К сему присовокупите, знал ли князь Трубецкой о цели призыва вашего Бестужевым² или нет?

Генерал-адъютант Чернышев

На данный мне высочайше утвержденным Комитетом дополнительный вопросный пункт сим имею честь отвечать, что // (л. 18 об.) действительно я получил письмо от князя Александра Трубецкого в конце декабря месяца прошлого года,

¹ Вверху листа пометы чернилами: «Уведомить главноко[мандующего]» и «Читано 9 апреля».

² Фамилия вписана над строкой.

но в оном письме Трубецкой писал ко мне насчет моего сватовства к его двоюродной сестре и поздравлял с получением согласия от матери на наш брак; также писал и об том, что желает скорее видеть нас обвенчанными.

Об том, что Бестужев писал ко мне и просил приезжать в Радомысль, совершенно ничего до сих пор не знал и никакого ответа от него не получал. В том же, какое принимал я участие в их возмущении, как перед Богом отвечаю, что никакого, ибо, ежели я и желал в моем заблуждении Конституции, то никогда бы не согласился на такой поступок, который хотя бы и остался неизвестным для других, но унизил бы меня в собственных глазах. Что я никуда не ездил в это время, ссылаюсь на весь полк и полкового командира г[осподи]на полковника Бринкена. В последний раз виделся я с подпоручиком Бестужевым у меня на квартире в г[ороде] Сквире, при проезде его в октябре месяце прошлого года, но он мне совершенно ничего не говорил о своих предприятиях, тем более, в чем уверен, сам Бестужев сознается, что с тех пор, как я начал искать руки княжны // (л. 19) Воронецкой, я старался удалиться Бестужева и ни в каких сношениях с ним не был. Какие же мои были действия во время начатия сего мятежа, доказываются тем, что я хотя был болен, но последовал за полком, чтобы содействовать к уничтожению сего возмущения. Еще раз клянусь всем святым, что не получал никакого письма от Бестужева и что князь Трубецкой ни слова мне не писал насчет оного, и знал ли про оное, мне неизвестно¹. Что показание мое справедливо, в том подписуюсь гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков².

6 апреля 1826 года

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 20)

№ 12 (13)

1826 года марта 31 дня от высочайше учрежденного Комитета подпоручику *Бестужеву-Рюмину* дополнительный вопросный пункт.

Комитету известно, что вы за время проезда своего 26 декабря чрез Рожевскую станцию дали станционному писарю письмо на имя штабс-ротмистра Жукова для отправления с нарочным в Гавронщину к отставному полковнику князю Трубецкому, полагая, что Жуков там находился, и что в письме сем вы просили Жукова поспешнее приезжать в Радомысль, ибо имеете до него надобность.

Объясните откровенно: какая именно была та необходимая надобность, для которой вы призывали Жукова в Радомысль, виделся ли с вами там Жуков и в чем состояли³ его действия в пользу начатого между тем вами и Сергеем Муравьевым возмущения Черниговского полка?

К сему присовокупите: знал ли князь Трубецкой о цели призыва вами⁴ Жукова или нет?

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 20 об.)

В сей записке говорю Жукову, чтоб он приехал в Радомысль, где найдет у Швейковского письмо от меня. Но нашед Швейковского в отчаянии и раскаивающегося в участии, которое до тех пор принимал в делах общества, я у него никакого письма для Жукова не оставлял и с Жуковым уже более не видался, и к нему не писал. Цель же моя была уговорить Жукова ехать в полк и по возможности приготовить оный для содействия нам, ежели в Любаре положено будет восстать. Но Жуков в пользу начатого возмущения ничего совершенно не делал. (Видя, с какою подробностью Комитет знает малейшие обстоятельства,

¹ Слова «и знал ли про оное, мне неизвестно» вписаны над строкой.

² Ответ написан И.П.Жуковым собственноручно.

³ Слова «и в чем состояли» в подлиннике ошибочно повторены дважды.

⁴ Слово «вами» вписано над строкой.

должно быть пошлым дураком, чтоб хотеть что-либо утаить.) При сем беру смелость повторить, что Жуков, сговорившись на к[няжне] Воронцовской, ни малейшего уже участия в делах общества не принимал. // (л. 21)

Князь Александр Трубецкой обществу не принадлежал и ни о чем совершенно не знал. Видя недоверчивость, которую к нему питал брат его Сергей, мы просили и Жукова ничего ему не открывать. Возмущение же, как известно Комитету, сделалось внезапно, и об оном, кроме Артамона Муравьева, никто не знал.

Подпоручик Бестужев-Рюмин¹
Генерал-адъютант Чернышев // (л. 22)

№ 13 (14)²

1826 года апреля 20 дня от высочайше учрежденного Комитета штабс-ротмистру Жукову дополнительный вопросный пункт.

На сделанный от 6 апреля вопрос вы отозвались, что у ротмистра Паскевича никаких вольнодумческих стихов не выдал и, давал ли таковые Паскевич или Рославлев Бестужеву-Рюмину, не знаете.

Но ротмистр Паскевич и подпоручик Бестужев-Рюмин утверждают:

1-й) что оказавшиеся у Бестужева стихи был перевод его, Паскевича, из французской книги и даны ему не им, Паскевичем, а корнетом Рославлевым в квартире вашей даже в небытность тут его, Паскевича; когда же он по возвращении своем увидел их в руках Бестужева, то по просьбе его внес в оные своею рукою одну пропущенную строчку, а

2-й) что один из стихов, у него оказавшихся, писаны вашею рукою, а поправлены Паскевичем, другие же писаны рукою Рославлева.

Сверх того, ротмистр Паскевич показывает, что о существовании тайного общества в первый раз узнал от штабс-ротмистра Веселовского в июне месяце 1825-го, а ему, Веселовскому, сообщили сведения об оном вы, по самом прибытии в полк, // (л. 22 об.) похваляясь, что вы как будто нарочно были переведены в оный, что[бы] иметь в Оранском полку сообщников.

Отвечайте ясно и положительно:

1) С каким намерением вы переписывали своею рукою столь дерзновенные и вольнодумные стихи, каковы есть оказавшиеся у Бестужева?

2) Не были ли вами или Паскевичем, либо Рославлевым даны таковые еще кому, кроме Бестужева?

3) Точно ли стихи сии отдал Бестужеву начальню Рославлев в небытность тут Паскевича?

4) Действительно ли другие стихи, на обороте написанные, есть руки Рославлева, где и по какому поводу были переписаны вами и Рославлевым?

5) Кто из офицеров как вашего полка, так и других, занимались чтением и распространением подобных вольнодумческих стихов?

6) Точно ли вы первые сообщили Веселовскому о существовании тайного общества и знали, что сие он передал Паскевичу, и не принадлежал ли к сему обществу Веселовский?

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 23)

№ 14 (15)

1826 года апреля 20 дня на данные мне от высочайше утвержденного Комитета дополнительные вопросные пункты сим имею честь отвечать.

¹ Ответ написан М.П.Бестужевым-Рюминым собственноручно.

² Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 апреля».

1-е

Припоминаю себе, сознаюсь, что я давал раз подпоручику Бестужеву-Рюмину стихи, мною переписанные, перевода Паскевича, но, что я никакого вредного¹ не имел намерения, переписывая оные и отдавая Бестужеву, а поступил так единственно по легкомыслию, в том уверяю честью.

2-е

Не знаю, давали ли кому-нибудь Паскевич и Рославлев таковые стихи, но я, кроме Бестужева, никому их не читал и не давал.

3-е

Когда давал стихи Рославлев Бестужеву, не припомню.

4-е

Были ли написаны на другой стороне какие стихи Рославлевым, не припомню; я же переписал оные стихи Бестужеву безо всякого намерения.

5-е

Я в полку никому не читал сих стихов, даже не говорил об оных; и кто из нашего полку или других занимался сочинением подобных стихов, не знаю. // (л. 23)

6-е

Сознаюсь, что я говаривал с штабс-ротмистром Веселовским насчет того, что желал бы дожить до того времени², когда Россия будет пользоваться конституцией, но никогда не делал ему предложений вступить в оное общество, хотя по моей откровенности он заметил, что я дружески знаком с Бестужевым; об том, что он передал свои подозрения Паскевичу, я сомневался, но никогда с сим последним ничего не говорил насчет общества, потому что и сам немного знал про оное.

Насчет того, что будто бы я хвастался тем, что переведен в гусары для того, чтобы увеличить число сообщников, решительно отвечаю — неправда. Я переведен в гусары по представлению дивизионного командира 3-й гусарской дивизии г[осподина] генерал-майора Ридигера, не подавал просьбы об моем переводе, а перемещен потому, что имею достаточное состояние; напротив того скажу, что Бестужев уговаривал меня не переходить в гусары, представляя мне то, что гусары имеют очень дурную репутацию. Я же был рад оному переводу, потому что реже мог видаться с Бестужевым, ибо, как уже я имел честь отвечать высочайше утвержденному Комитету, я искал случая прекратит³ мои связи с Бестужевым с тех пор, как сделался женихом.

Что показание мое справедливо, в том и подписуюсь гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков³.

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 28)

№ 15 (16)⁴

Копия с отношения к г[осподину] главнокомандующему армиею военного министра генерала от инфантерии Татищева от 21 апреля 1826 года № 632

Дежурный генерал Главного штаба его императорского величества по поручению г[осподина] начальника того штаба препроводил в Комитет для изыскания о злоумышленном обществе рапорт на имя вашего сиятельства Комиссии военного суда, учрежденной при Главной квартире вверенной вам армии, за № 44 касательно письма подпоручика Бестужева-Рюмина, посланного к штабс-

¹ Слово «вредного» вписано над строкой.

² Слово «времени» вписано над строкой.

³ Ответ написан И. П. Жуковым собственноручно.

⁴ Здесь вместо отпуска отношения публикуется его копия, приложенная к рапорту начальника Главного штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона Толя начальнику Главного штаба е. и. в. генерал-адъютанту Дибичу от 28 апреля 1826 г. (док. 17(18)). В отпуске отношения дописана, а затем зачеркнута следующая фраза: «имею честь присовокупить, что о принадлежности отставного полковника князя Александра Трубецкого к тайному обществу показаний в виду не имеется».

ротмистру Жукову и доставленного к отставному полковнику князю Трубецкому, который, как видно из упомянутого рапорта Комиссии военного суда, отправил то письмо в г[ород] Сквиру к Жукову.

По сему обстоятельству сделаны были от Комитета вопросные пункты Бестужеву-Рюмину и Жукову, из которых первый отвечал, что действительно писал к Жукову записку, приглашая // (л. 28 об.) его приехать в Радомысль, но сей последний показывает, что он не получал оной, а имел в конце декабря месяца письмо от Александра Трубецкого, относящееся до сватовства к его двоюродной сестре.

Я долгом считаю препроводить на благоусмотрение вашего сиятельства с упомянутых двух показаний копии¹.

Верно: генерал-адъютант барон Толь // (л. 26)

№ 16 (17)²

Дежурство
Главного штаба
его императорского
величества
По канцелярии
дежурного генерала
в С[анкт]-Петербурге
5 мая 1826
№ 825

Секретно

Господину военному министру
Дежурного генерала Главного штаба
его императорского величества

Рапорт

В дополнение рапорта моего к вашему высокопревосходительству от 26 марта № 607 по поручению начальника Главного штаба его величества имею честь представить при сем для рассмотрения в Комитете о злоумышленном обществе рапорт генерал-адъютанта барона Толя от 28 апреля № 556 с следующими к оному приложениями относительно письма, которое подпоручик Бестужев-Рюмин пред открытием возмущения Черниговского полка посылал к штабс-ротмистру Жукову чрез посредство отставного полковника князя Трубецкого.

Генерал-адъютант Потапов // (л. 27)

№ 17 (18)³

Управление
начальника Главного
штаба 1-й армии
№ 556⁴

Главная квартира в Могилеве Белорусск[ом]
Апреля 28 дня 1826 года
Начальнику Главного штаба его императорского
величества господину генерал-адъютанту
и кавалеру барону Дибичу
Начальника Главного штаба 1-й армии
генерал-адъютанта барона Толя

Рапорт

От 19-го минувшего марта за № 413 я имел честь представить вашему превосходительству рапорт бывшего при Главной квартире армии военного суда

¹ Приложенные копии не публикуются, подлинники см. док. № 11(12) и 12(13).

² Рапорт написан на бланке с печатным штампом, приведенном ниже. Вверху листа пометы чернилами: «№ 1055» и «7 мая 1826».

³ Рапорт написан на бланке с печатным штампом. Вверху листа помета чернилами: «№ 736».

⁴ Ниже на полях помета карандашом: «В Комитет».

над мятежными офицерами Черниговского пехотного полка относительно письма, которое подпоручик Бестужев-Рюмин пред открытием возмущения посылал к штабс-ротмистру Жукову чрез посредство отставного полковника князя Трубецкого. // (л. 27 об.)

Ныне г[осподин] военный министр препроводил к г[осподину] главнокомандующему армиею допросы, снятые по сему случаю с Бестужева-Рюмина и Жукова, из коих последний отзывается, что он упоминаемой в показаниях Бестужева записки никогда не получал. Между тем князь Трубецкой, как в вышеозначенном рапорте военного суда изъяснено, показал, что он записку сию доставил к Жукову чрез человека в Сквиру.

Как военно-судное дело, произведенное помянутым судом, представлено уже на высочайшую конфирмацию, а Бестужев и Жуков находятся в С[анкт]-Петербурге, равно и отставной полковник князь Трубецкой, как из частных писем видно, отправился также в С[анкт]-Петербург, то г[осподин] главнокомандующий армиею поручил мне помянутое отношение г[осподина] военного министра в копии с приложением к оному допросов Жукова и Бестужева¹ представить вашему превосходительству для приобщения к военно-судному делу и вторичного, если за благо рассудить изволите, допроса отставного полковника князя Трубецкого.

Генерал-адъютант барон Толь // (л. 34)

№ 18 (19—20)

1826 года мая 27-го дня от высочайше учрежденного Комитета штабс-ротмистру Жукову дополнительный вопросный пункт.

Подпоручик Бестужев-Рюмин, говоря о предприятии членов Южного общества покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора в лагере при Белой Церкви, упоминал, что для исполнения сего они *целили* или *считали*, между прочим, на вас. На вопрос Комитета, на чем основывалось такое мнение о готовности вашей к цареубийству, Бестужев утвердил, что о сем вам предложения никогда делано не было, ибо заговорщики опасались обнаружить свой умысел прежде времени; что вы никакого содействия обществу не оказывали, а сговорившись на Воронежской, и решительно от него отстали. В доказательство же того, что вы и расположены не были к подобному преступлению, приводит, что однажды, будучи у Швейковского, при Сергее Муравьеве вы сказали: «Я знаю, что для успеха в предприятии // (л. 34 об.) нашем необходима смерть государя, но если бы на меня пал жребий быть в числе заговорщиков, то после сего я сам бы себя лишил жизни».

Полковник Швейковский отозвался, что хотя означенного разговора вашего и не может припомнить, но сколько знает чувства и нравственность ваши, то действительно уверен, что вы скорее бы согласились лишить себя жизни, нежели быть убийцею.

Комитет требует от вас откровенного и положительного показания.

1-е. Действительно ли вы при Сергее Муравьеве, Швейковском и Бестужеве-Рюмине говорили слова, приводимые сим последним, почему вы считали необходимою смерть государя и для какого именно предприятия?

2-е. По какому поводу означенные лица могли считать вас способным на цареубийство?

На данные мне от высочайше утвержденного Комитета дополнительные вопросы сим имею честь отвечать.

¹ Копии приложенных допросов здесь не публикуются, так как они воспроизведены ранее по подлинникам. См. док. № 11(12) и 12(13).

Что я не могу припомнить, чтобы когда я этого говорил, будучи // (л. 35 об.) у Швейковского, и даже осмеливаюсь утвердительно отвечать высочайшему Комитету, что я никогда подобных разговоров с ним не имел, но, может быть, я когда-нибудь говорил про то, что смерть блаженной памяти государя была нужна для успехов общества, то клянусь Богом, что я не¹ желал конституции для того, чтобы сделаться извергом.

Может быть, Бестужев считал меня способным к такому низкому преступлению, потому что, будучи несправедливо переведен в армию полковником Стюрлером, я часто жаловался на свою судьбу и на несправедливость, и даже в первые минуты моего несчастья тяготился жизнью. Вот все, что я могу отвечать на два вопросные пункта высочайшего Комитета, и что показание мое справедливо, в том и подписуюсь гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков² // (л. 36)

№ 19 (21)

1826 года майя 28-го дня от высочайше учрежденного Комитета *подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу* дополнительный вопросный пункт.

Подпоручик Бестужев-Рюмин, говоря о предприятии членов Южного общества покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора в лагере при Белой Церкви, между прочим, упоминал, что для исполнения сего они *целили* или *считали*, между прочим, на *Жукова*. На вопрос Комитета, на чем основывалось таковое мнение о готовности Жукова к цареубийству, Бестужев утвердил, что о сем Жукову предложения никогда сделано не было, ибо заговорщики опасались обнаружить свой умысел прежде времени, что Жуков никакого содействия обществу не оказывал, а сговорившись на Воронежской, и решительно от одного отстал. В доказательство же того, что Жуков и расположен не был к подобному преступлению, приводит [то], что однажды, будучи у Швейковского, при вас он сказал: «Я знаю, что для успеха в предприятии нашем // (л. 36 об.) необходима смерть государя, но если бы на меня пал жребий быть в числе заговорщиков, то после сего я сам бы себя лишил жизни».

Полковник Швейковский отозвался, что хотя однозначного разговора Жукова и не может он припомнить, но сколько знает чувства и нравственность Жукова, то действительно уверен, что он скорее согласится лишиться себя жизни, нежели быть убийцею.

Комитет требует от вас откровенного и положительного показания:

1-е. Действительно ли Жуков при вас, Швейковском и Бестужеве-Рюмине говорил слова, приводимые сим последним, почему он считал необходимою смерть государя и для какого именно предприятия?

2-е. По какому поводу могли считать Жукова способным на цареубийство?

Насчет называемого предприятия Южного общества при м[естечке] Белой Церкви я уже показал, что так как никогда не было ввиду назначенного смотра при том местечке, то и не было ни настоящих совещаний, ни утвержденного плана // (л. 37) действий, а были между членами в разные времена разговоры об образе действия, если б случился смотр при Белой Церкви. Я не помню, чтобы кто-нибудь предложил Жукова в числе заговорщиков. Знаю же наверное, что ему самому³ никогда никем не было сделано никакого предложения по сему предмету. И потому я объяснить не могу, по какому поводу могли считать Жукова способным быть заговорщиком. Что же касается до слов его⁴, приведенных

1 Слово «не» вписано над строкой.

2 Ответ написан И.П.Жуковым собственноручно.

3 Слово «самому» вписано над строкой.

4 Слово «его» вписано над строкой.

Бестужевым и говоренных им в присутствии Бестужева, Швейковского и меня, то я оных теперь припомнить не могу, но вообще Жуков во все время почти никакого не принимал участия в делах общества, а после сговора своего действительно отстал от него, как Бестужев показывает.

Подполковник Муравьев-Апостол¹ // (л. 5)

№ 20 (5)

Высочайше учрежденный Комитет требует от *штабс-ротмистра Жукова* откровенного показания.

1

Как ваше имя и отчество и сколько от роду лет?

2

Какой веры и ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия?

3

Присягали ли на верное подданство ныне царствующему государю императору?

4

Где воспитывались? Если в публичном заведении, то в каком именно, когда и куда из оногo были выпущены, и ежели у родителей, то кто именно были ваши учителя и наставники?

5

В каких предметах вы старались наиболее себя усовершенствовать или приготовить? // (л. 5 об.)

6

Не слушали ли сверх того особенных лекций, в каких предметах наук, у кого, когда и где именно?

7

С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие мысли, т.е. от внушения ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?

8

Когда вы вступили в службу, где и каким образом продолжали оную и не были ли за что-либо в штрафах или под судом, когда и чем дела были окончены?

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 6)

№ 21 (6)

На данные мне от высочайше утвержденного Комитета вопросные пункты сим имею честь отвечать.

1

Имя мое Иван, по отчеству Петр, от роду имею двадцать четыре года.

2

Исповедания греко-российского и ежегодно бывал на исповеди и у святого причастия.

3

Присягал.

4

Воспитывался сначала у родителей и имел разных учителей, которых имен не припомню, исключая некоторых, находившихся долее других, — аббат Деспарбес и отставной штабс-капитан гвардейской артиллерии Скрытский, а потом был в Казанском университете; по оставлении оногo определен был лейб-гвардии в Гренадерский полк.

¹ Ответ написан С.И.Муравьевым-Апостолом собственноручно.

5

Имея всегда большую склонность к домашней жизни, я с охотою занимался музыкой, и хотя учился военным наукам, но не имел к ним больших способностей.

6

Будучи в университете, слушал особые лекции у профессора Броннера — физике, у адъюнкта Петровского — военной архитектуре и профессора Фукса — натуральной истории. // (л. 6 об.)

7

Первые либеральные мысли были мне внушены подпоручиком Бестужевым-Рюминым после того, как я был огорчен переводом моим в армию, и ускорились тем, что я был так слабодушен, что боялся их насмешек, ежели разорву мою связь с ней.

8

Вступил в службу в 1817 году в лейб-гвардии Гренадерский полк, в 820 был назначен адъютантом к генерал-майору Желтухину 1-му, командиру 17-й пехотной дивизии; в 822, в апреле, вступил снова во фронт, в мае в начале, по представлению полковника Стюрлера, за то, что не успел отдать ему полной чести и имел расстегнутый воротник, переведен тем же чином в Кременчугский пехотный полк; в 824 по представлению дивизионного генерала Ридигера переведен в гусарский принца Оранского полк.

Что показание мое справедливо, в том и подписуюсь.

Штабс-ротмистр Жуков¹

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 38)

№ 22 (22)

Выписка из рапорта смотрителя Сухопутного госпиталя 5 класса Шмита к г[осподину] военному министру от 30 мая 1826 за № 3980

Гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Жуков, поступивший в означенный госпиталь с 21 генваря сего года, по удостоверению главного доктора статского советника Гиглера был одержим венерическою болезнью и хотя от оной выпользован, но по причине частой головной боли и геморроидальных припадков из госпиталя выписан быть не может.

Верно: военный советник Вахрушев

Подлинный рапорт смотрителя Шмита находится в деле о прапорщике Вятского полка Ледоховском². // (л. 39)

№ 23 (23)

Справка.

На докладной записке о шт[абс]-ротмистре Жукове последовала высочайшая резолюция: выдержать 6-ть месяцев на гауптвахте и перевести в Архангельский гарнизонный полк.

Верно: коллежский секретарь Хлусович

¹ Ответы написаны И.П.Жуковым собственноручно.

² См.: ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 207.

3. Дело № 303, «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжёлых дел». Л. 231 (показание без даты).

4. Дело № 304, «Об отобранных от арестованных лиц сведениях, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имущество, как в опекунских советах и банке, так и в приказах общественного призрения». Л. 109а (показание без даты).

О следственном деле И.П.Жукова

Об участии штабс-ротмистра гусарского принца Оранского полка И.П.Жукова в Южном обществе стало известно Следственному комитету из «списка лиц, поименованных в показаниях Пестеля, коих прежде в виду не было и коих должно взять», заслушанного 5 января 1826 г. в Комитете¹. Тогда же был дан приказ об его аресте.

И.П.Жуков был допрошен 12 января 1826 г. в Житомире в присутствии генерал-лейтенанта Л.О.Рота. Жуков показал, что в Белой Церкви в 1825 г. М.П.Бестужев-Рюмин сообщил ему о существовании тайного общества, желающего улучшения законов; в октябре 1825 г. он же предлагал ему привлечь в общество сослуживцев, но Жуков ответил отказом, кроме того, Жуков назвал фамилии некоторых членов общества.

15 января 1826 г. арестованный Жуков был отправлен в Петербург. В рапорте начальника Главного штаба 1-й армии К.Ф.Толя сообщалось, что вместе с Жуковым отправляются его показания, взятые у него бумаги (ключ к тайной переписке), а также бумаги С.И.Муравьева-Апостола и М.П.Бестужева-Рюмина, взятые на месте восстания Черниговского полка и на квартире первого в Василькове (док. № 2/2, 3/3, 4/4).

Доставленный в Петербург 19 января 1826 г.² Жуков был допрошен генерал-адъютантом В.В.Левашовым. Жуков сознался, что согласился вступить в общество в 1825 г., так как в намерениях общества, по его представлению, ничего противозаконного не было и ему предложено было М.П.Бестужевым-Рюминым принимать в общество членов из своего полка, Жуков продолжал утверждать, что ни в каких действиях общества не принимал участия и о цели общества не знал, об Обществе соединённых славян не слышал (док. 5/1). После допроса Жуков был отправлен на главную гауптвахту, а 21 января в военный госпиталь³.

15 февраля Жукову были даны Следственным комитетом письменные вопросы, на которые он дал в тот же день письменные ответы. В них он перечислил известных ему членов общества, цель общества, ему открытую, — «улучшение законов и утверждение конституции», но на большинство вопросов ответил отрицательно, дал также объяснение по поводу ключа к тайной переписке и знакомстве с А.П.Трубецким и Л.Синявиным (док. № 6/7, 7/8). Ответы Жукова были заслушаны в Следственном комитете 17 февраля 1826 г., в журнале о них была сделана следующая запись: «Слушали: штабс-ротмистра Жукова: был членом тайного общества, но мало принимал участия и не действовал»⁴.

17 марта 1826 г. М.П.Бестужеву-Рюмину был задан дополнительный вопрос по поводу И.П.Жукова. В ответе он заметил, что Жуков в 1825 г. после сватовства к княжне Воронцовской оставил общество (док. № 8/9).

Дальнейший ход следствия над Жуковым связан с выяснением содержания переданной М.П.Бестужевым-Рюминым А.П.Трубецкому записки для Жукова на французском языке с просьбой о немедленном прибытии Жукова в Радомысль, о чем стало известно из рапорта Комиссии военного суда, доставленного дежурным генералом 1-й армии в Главный штаб его императорского величества (далее

¹ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 48.

² Пушкин Б. Указ соч. С. 391.

³ Там же. С. 391.

⁴ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 105.

е.и.в.), а затем военному министру А.И.Татищеву 25 марта 1826 г. (док. № 9/10, 10/11).

31 марта по поводу этой записки Следственным комитетом был задан вопрос И.П.Жукову и М.П.Бестужеву. Жуков отрицал получение записки (док. № 11/12), а Бестужев-Рюмин сообщил, что в записке говорилось о том, чтобы Жуков приехал в Радомысль к И.С.Повало-Швейковскому, где должно его ждать письмо от Бестужева-Рюмина с просьбой приготовить полк для содействия восставшим, но в связи с раскаянием Швейковского письмо для Жукова Бестужев ему не оставил. Он также подтвердил, что князь А.П.Трубецкой к обществу не принадлежал (док. № 12/13).

Затем 20 апреля 1826 г. Комитет выяснял у Жукова вопрос о стихотворных переводах ротмистра М.Н.Паскевича и их распространении (док. № 13/14). Жуков сознался, что давал список переведенных стихотворений Паскевича Бестужеву-Рюмину, но в полку их не читал и никому не давал (док № 14/15).

27 мая 1826 г. Следственный комитет, устанавливая участие Жукова в планах царевубийства, задал ему дополнительный вопрос в связи с заявлением Бестужева-Рюмина, что члены Южного общества рассчитывали на Жукова, который якобы сказал: «Я знаю, что для успеха в предприятии нашем необходима смерть государя, но если бы на меня пал жребий быть в числе заговорщиков, то после сего я сам бы себя лишил жизни». Однако Жуков этого факта не подтвердил (док. № 18/19—20). 28 мая 1826 г. вопрос о роли Жукова в планах царевубийства был задан также С.И.Муравьеву-Апостолу, на который он, как относительно приписываемых Жукову слов, так и его участия в заговоре, ответил отрицательно (док. № 19/21).

Кроме указанных выше документов, следственное дело И.П.Жукова содержит опись документов дела (док. № 1), копию и отпуск с отношения военного министра Татищева главнокомандующему 1-й армии от 21 апреля 1826 г. с копиями вопросных пунктов и ответов на них Бестужева-Рюмина и Жукова от 3 марта 1826 г., данных Следственному комитету (см. док. № 15/16); рапорт дежурного генерала Главного штаба е.и.в. военному министру Татищеву от 5 мая с приложением рапорта начальника Главного штаба 1-й армии начальнику Главного штаба е.и.в. от 28 апреля 1826 г. о приобщении полученных из Петербурга допросов Жукова и Бестужева-Рюмина от 31 марта 1826 г. к военно-судному делу (док. № 16/17, 17/18), вопросы «о воспитании» и ответы на них Жукова (док. 20/5, 21/6), выписку из рапорта смотрителя сухопутного госпиталя Шмита, где находился на излечении Жуков (док. № 22/22), справку с высочайшей резолюцией (док. № 23/23).

По докладу Следственной комиссии 24 июня 1826 г. последовала резолюция царя: «Выдержать шесть месяцев на гауптвахте и перевести в Архангелогородский гарнизонный полк и ежемесячно доносить о поведении». Высочайший приказ о переводе отдан 7 июля 1826 г.¹

Следственное дело И.П.Жукова хранится в ГА РФ, в фонде 48, под № 88. Согласно современной нумерации оно состоит из 39 листов, заполненных текстом, включая литерные. Первоначальная нумерация, проставленная во время его формирования военным советником Вахрушевым, учла 53 листа, в том числе чистые. На обороте одного из них написано: «Подпоручику Бестужеву-Рюмину» и «Ответ». Документ № 1 попал в дело позднее и не был пронумерован Вахрушевым.

Ниже дан перечень дел Следственного комитета, в которых имеются показания И.П.Жукова по различным вопросам, не вошедшие в состав публикуемого здесь дела № 88:

1. Дело № 94, М.Паскевича. Л. 14 (показание от 3 марта 1826 г.), Л. 19 (показание от 6 апреля 1826 г.).

¹ Восстание декабристов. Т. VIII. С. 83.

2. Дело № 130, С. Поздеева, П. А. Криднера, Ф. А. Вильманса. Л. 5—5 об. (показание от 17 марта 1826 г.).

3. Дело № 246, «Справки, забранные по отношению г[осподина] главнокомандующего 1-ю армиею». Л. 6—6 об. (показание от 26 марта 1826 г.).

4. Дело № 259, Богданова. Л. 5 (показание от 24 мая 1826 г.).

5. Дело № 126, Л. Е. Годениуса, А. П. Рославлева, Н. Ф. Лосева. Л. 5 (показание без даты).

6. Дело № 304, «Об отобранных от арестованных лиц сведениях, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имение как в опекунских советах, банке, так и в приказах общественного призрения». Л. 70 (ответ без даты).

О следственном деле П. М. Лемана

В числе членов тайного общества имя Павла Михайловича Лемана впервые было указано в списке предателя А. И. Майбороды¹, приложенном к рапорту генерал-адъютантов А. И. Чернышева и П. Д. Киселева главнокомандующему 2-й армией П. Х. Витгенштейну от 20 декабря 1825 г.

Полковник Пермского пехотного полка П. М. Леман был взят по делу П. И. Пестеля 29 декабря 1825 г. в м. Немирове, где квартировал полк, привезен в Тульчин и допрошен 30 декабря. 31 декабря 1825 г. он был отпущен. Между тем из Петербурга последовал 30 декабря 1825 г. приказ об его аресте, на основании которого он был арестован 6 января 1826 г. в Тульчине и привезен 14 января 1826 г. в Петербург, где заключен на главную гауптвахту, а после допроса в Зимнем дворце генерал-адъютантом В. В. Левашовым помещен в арестантский покой № 16 куртины между бастионом Екатерины I и Трубецкого Петропавловской крепости².

При допросе 30 декабря 1825 г. в Тульчине Леман сообщил о своем личном знакомстве с П. И. Пестелем, А. И. Майбородой, И. Ф. Фохтом, Н. И. Лорером, а также сведения о существовании тайного общества и его целях, полученные от Пестеля, и членах его, названных также Пестелем, о Юшневском, Бярятинском, Бестужеве-Рюмине, Муравьеве-Апостоле, Лорере, Канчиялове и Фохте, названном Майбородой; о знакомстве с главами «Русской Правды». От Пестеля он слышал о Петербургском и Польском тайных обществах, от Лорера слышал о тайном обществе в Кавказском корпусе (док. № 3/2).

При допросе у В. В. Левашова в Петербурге Леман показал, что в августе 1825 г. Пестель открыл ему, «что есть тайное общество, желающее преобразования правительства», и Леман имел слабость в него войти и дать клятву о нем никому не говорить. Пестель назвал ему имена некоторых членов общества и призвал умножать их число, что Леман, однако, не делал. Он также сообщил то, что ему было известно о сохранении членами тайного общества бумаг Пестеля (док. № 4/1). Этот первоначальный допрос был заслушан в Комитете 16 января 1826 г., и было решено заготовить ему вопросные пункты³.

18 января 1826 г. Леман был допрошен по широкому кругу вопросов в Следственном комитете (док. № 5/6). В ответах на них Леман ничего нового, по сравнению с двумя предыдущими показаниями, не открыл (док. № 6/7).

Значительную часть следственного дела Лемана составляют материалы, связанные с выяснением обстоятельств посылки Леманом 6 января 1826 г. из Немирова письма на имя вел. кн. Константина Павловича, в котором он рассказывал, что не открыл ранее о существовании тайного общества, опасаясь угрозы, объявленной ему при принятии в общество (док. № 7/8, 8/9, 9/10, 10/11, 11/12, 12/13, 13/14, 14/15, 15/16).

¹ Восстание декабристов. Т. IV. М. — Л., 1927. С. 38.

² Пушкин Б. Указ. соч. С. 395—396.

³ Восстание декабристов. Т. XVI. С. 62.